

ФИЛОСОФИЯ

УДК 1(091)

О.А. Власова

MEMORY STUDIES В ГОРИЗОНТЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ЭКСПАНСИИ И ИХ РАЗВИТИЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 20–011–00616 «Самосознание истории философии в междисциплинарном контексте практик памяти»).

Анализируется экспансия исследований памяти на различные сферы гуманитарных наук, в частности их поворот от социальной антропологии к историческим наукам. Ставится вопрос о том, какие особенности теории Memory Studies способствуют ее выходу в междисциплинарное пространство. Демонстрируется продуктивность сведения перспектив истории философии и исследований памяти. Конкретизируются основные особенности развития дискурса памяти в истории философии.

Ключевые слова: дискурс памяти; Memory Studies; память; история; философия; традиция

Гуманитарные науки проходят этап построения общегуманитарного междисциплинарного поля. Целый ряд проблем связывает в дискуссиях историю и филологию, психологию и антропологию, теорию культуры и социологию. Одной из топовых тем таких дискуссий является проблема практики и политики памяти. Стремительно развивающиеся Memory Studies охватывают все новые и новые вопросы, институционализируются. Философия, особенно в последнее время, также активно обращается к этой проблематике: в плане социально-философских, философско-культурных, философско-антропологических дискуссий¹. Однако до настоящего времени, несмотря на очевидную плодотворность проблематики и методологии, эта традиция практически не вовлекает области истории философии.

При этом история философии последнего столетия пытается активно реагировать на методологические новации и актуальные дискуссии, стремясь уравновесить интерес к прошлому и необходимость поспевать за современностью. Казалось бы, будучи наукой о прошлом мысли, история философии как никакая другая наука может включиться в Memory-дискуссию и Memory Studies. Но на настоящий момент времени в этой области имеются лишь единичные исследования, которые касаются главным образом особенностей актуализации самой темы памяти в различные периоды развития философской мысли. В основном же философия памяти – это ее онтологические и социально-философские, социально-культурные исследования [3–9]. Продуктивность сведения перспектив истории философии и исследований памяти, тем не менее, приводит к вопросам: как история философии может проблематизироваться как память философии и в чем специфика ее практики как техники памяти.

Сразу же нужно отметить, что в настоящем исследовании мы не будем останавливаться на анализе классических и современных теорий Memory Studies: в настоящее время для решения этой задачи не хватит даже монографического объема. Нас здесь интересует именно экспансивный элемент: какие особенности теории Memory Studies способствуют ее выходу в междисциплинарное пространство исторических

наук, в частности переходу от социологии и социальной антропологии сначала к истории, а затем и к истории философии. Последнее смещение для нас особенно важно.

Память групп: от социологии и социальной антропологии к культурной истории

В настоящее время, будучи топовым направлением гуманитарных наук, Memory Studies охватывает сферы социального, политического, культурного. Множество (ставших уже классическими) сборников, профессиональные ассоциации, журналы – все это укрепляет современников в мысли о том, что Memory Studies есть один из наиболее востребованных современностью способов говорить о прошлом в исторических науках и в целом в гуманитарных [10–12]. При этом во всем своем многообразии (в социологии, антропологии, истории и др.) это тематическое поле предполагает определенный ракурс проблематизации, специфический взгляд, отличный от традиционного исторического взгляда на ушедшее, который сохраняется во всех дисциплинарных полях и способствует «междисциплинаризации» дискурса памяти. Каковы же его особенности?

С самого начала следует признать (и это признание стало уже хорошим тоном работ по Memory Studies), что прошлое всегда интересовало науку, и вторая половина XX в. в своем акценте на памяти не изобрела нового объекта интереса. Однако важной стала сама концептуализация прошлого и истории как памяти, в особенности памяти, связанной с определенной социальной группой или общностью. Эту связь акцентировал в своей классической работе М. Хальбвакс. «Существует коллективная память и социальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [13. С. 29], – писал он. Хальбвакс, конечно же, следует в этом утверждении за Э. Дюркгеймом и подчеркивает, что мы обращаемся к прошлому не напрямую, но всегда через «коллективные представления» общности (социальной группы или культуры), к которой принадлежим.

Связка «память – социальная группа» способствовала акцентированию многообразия образов памяти и активизации исследований социальных общностей с различными идентичностями. Плюрализм мировоззрений в современном мире, а главным образом неуверенность в идентичности, как подчеркивает Алан Мэгилл, стали основанием для проработки темы сплоченности группы и развития дискурса коллективной памяти. «Можно сформулировать правило: когда личность становится неопределенной, повышается ценность памяти» [14. Р. 40], – говорит он. При этом, как указывает Мэгилл, идентичность явилась проблемной точкой дискурса памяти. С одной стороны, в рамках его классической традиции, в том числе в работах Хальбвакса, память признается отражением некой коллективной идентичности, целостности идентичности, но с другой – современные практики памяти характеризуются трансформацией воспоминаний с целью формирования и управления идентичностью (при одновременном отсутствии устойчивой идентичности группы). Особенное внимание к идентичности характеризует социальные и социально-антропологические исследования памяти: когда предметом являются не социальные группы, а культуры и эпохи, вопрос об идентичности закономерно трансформируется в вопрос самосознания культурной (мировоззренческой) общности.

Кроме того, связывание истории как памяти с социальной группой приводит к акцентированию роли памяти в непрерывности группы, формированию «концепции групповой памяти как органа исторической преемственности» [15. Р. 12–13]. Разумеется, такое смещение с историей к памяти, с традиции и культуры к социальной группе явилось следствием осознания историчности истины, крушения традиций и выходом на историческую арену более раздробленных социальных и культурных целостностей. Осознание принадлежности традиции или противопоставления ей, вопрос прерывности или непрерывности в оставшихся воспоминаниях сохраняется на всех уровнях дискурса памяти: и по отношению к социальной, и по отношению к культурной памяти.

Как известно, акцент на социальной группе не долго доминирует в исследованиях памяти и начиная с 1980-х гг., наравне с исследованиями социальной памяти [16], появляются работы по ее культурной форме. В целом они разделяют ранее выработанные установки.

Сначала история сопротивляется экспансии социологического и социально-антропологического поля исследований памяти. Бурные дискуссии о памяти и истории отражают борьбу историков «против вторжения» и попытки отстоять чистоту и объективность своего предмета. Общий момент в них – представление истории и памяти «в различии», как двух различных форм работы с прошлым: память при этом признается способом слагать устную традицию группы, а история – нацеленной на объективность внегрупповой работой профессионалов, преимущественно имеющих дело с письменными текстами. Однако одновременно битва истории и социологии в поле памяти (с другой стороны «баррикад») яви-

лась попыткой расшатать основания взгляда на историю, и частично эта цель была достигнута.

Ангажированность интеллектуалов и интерпретация истории как идеологии способствовали сближению социологии и истории и выводу дискуссий из модальности «история/память» в модальность «история=память», и это стало органичным продолжением процесса социологизации и политизации истории. «...Современные исследования истории исторической практики смотрят на нее точно так же, как Хальбвакс смотрел на память: как на продукт социальных групп...» [17. Р. 45], – отмечает Питер Барк.

В пионерских исследованиях супругов Яна и Алейды Ассман (и в этом они следуют предшественникам Эби Варбургу и Юрию Лотману) сохраняется тот же предмет – это по-прежнему память, однако акцент делается не на носителе (социальной группе), а на основании и механизме. Они обращают внимание на то, что определенные воспоминания группы продуцируются с целью культурного посредничества и связываются с традиционными для культуры механизмами текстуализации и визуализации, ее традиционными каналами трансляции: текстами, образами, ритуалами [18, 19]. Переход от социальной памяти к культурной позволяет связать социально обусловленные процессы хранения и воспроизведения прошлого с исторической изменчивостью и изменчивостью культурных смыслов. Поэтому в культурном повороте в общем сохраняются прежние установки, но поле расширяется с носителя на механизмы, и после него дискурс памяти разрабатывается как в социальном, социально-антропологическом аспекте, так и в культурном, а иногда и одновременно.

В повороте от социологии к истории одним из важных факторов является политизация дискурса памяти. Связь памяти с социальной группой предполагает одновременно представление о группе как о включенной во властные отношения, поэтому отождествление практики памяти и практики власти здесь закономерно. «Одним из следствий этого является тенденция сводить память, которая, по сути, является понятием культуры, исключительно к политической памяти» [20. Р. 1393], – акцентирует эту проблему Алон Конфино. Политизация памяти и интерпретация Memory Studies как исследований политики памяти, конечно же, органична эпохе постмодерна с ее политизацией всех сфер, но влечет целый ряд проблем. Память становится всего лишь одним из аспектов политического, и политизированный взгляд распространяется в исследованиях памяти на все исторические периоды и все культуры и группы, в которых политика не является центром организации отношений. Эта же особенность затрудняет экспансию Memory Studies на другие науки и проблемные поля, не связанные с политической сферой. Получается, что политизация дискурса памяти способствует его популяризации и расширению, но одновременно она ограничивает его. Переход от области социального к области культурного и историзация памяти, по убеждению Конфино, как раз и позволяют избежать политизации.

Последнее десятилетие исследования по культурной истории меняют облик историографии как рефлексии методологии истории. По признанию Марека Тамма, интерпретация истории в рамках Memory Studies как «специфической символической формы, посредством которой знание прошлого транслируется в культуре» [21. Р. 464], расширяет область историографии и позволяет ей перейти от исследования событий прошлого к изучению их последующего восприятия и смысла в настоящем. В конце 1990-х гг. Ян Асман называет это новое проблемное поле мнемоисторией [22. Р. 9] и связывает ее интерес не с прошлым как таковым, а с прошлым, каким его помнят. По сути, это теория восприятия и рецепции применительно к истории, которую заботит актуальность и интерпретация прошлого.

Мнемоистория, как и предыдущие формы Memory Studies, обращается не столько к фактам, сколько к особенностям исторической работы (как раньше к особенностям функционирования социальной группы, ее основаниям). Таким образом, как подчеркивает Марека Тамм, она позволяет проблематизировать два методологических уровня истории: историзацию феномена прошлого и историзацию исторической интерпретации [21. Р. 464]. В этом случае история балансирует между стремлением к объективности и осознанием анахронизма. И здесь нет ничего удивительного, ведь история и память на нынешнем этапе развития дискурса памяти не противопоставляются, но рассматриваются в их близости и единстве.

В целом обращение к социальной, а затем к культурной памяти, переход от истории к мнемоистории позволяет вновь актуализировать дискуссии о методологии истории. Подобно рубежу XIX–XX вв. (дискуссиям об истории как науке о духе), рубеж XX–XXI вв. – время для осмысления историей собственной методологии. Дискурс памяти здесь является тем проблемным пространством, где постановка методологических вопросов оказывается продуктивной и понятной для специалистов других наук. Одной из таких наук является история философии.

История и память в истории философии

Учитывая имеющиеся исследования проблемы памяти в философии, обилие философско-исторических исследований (особенно в мировой традиции), методология истории философии может быть успешно осмыслена в контексте дискурса памяти.

Если обобщить описанные выше черты Memory-взгляда на ушедшее, то можно назвать следующие, которые отмечают специфику этого стиля проблематизации прошлого: 1) констатация полярности между памятью и историей как искусственным и естественным прошлым и тем самым акцентирование проблемы Memory-дискурса; 2) связь памяти с социальной группой или общностью и признание посредничества «коллективных представлений» в фиксации и воспроизведении свершившихся событий; 3) проблемность идентичности на коллективном уровне как самосознания группы и на индивидуальном уровне как точки приложения социальных практик памяти; 4) связыва-

ние социально обусловленных процессов хранения и воспроизведения прошлого с исторической изменчивостью и изменчивостью культурных смыслов; 5) расширение историографии и переход от исследований событий прошлого, прошлого как такового к изучению его последующего восприятия и смысла в настоящем, т.е. прошлого как его помнят. Эти черты особым образом предстают в истории философии.

Начнем с того, что тематизация памяти в истории философии, несмотря на продуктивность ракурса, связана для осведомленного исследователя с явным противоречием «история/память», которое достаточно не просто снимается в пользу характерного для последних лет сближения «история = память». Самый главный вопрос в этом поле: почему мы можем заговорить об истории как памяти в отношении философии к своему прошлому. Проблемность здесь, как и в исторической науке, состоит в том, что память в классических Memory Studies предполагает соотносительность с социальной группой, внутреннюю необходимость для поддержания ее целостности именно таких практик работы с прошлым и такой его образ. Почему, хотя и с определенными оговорками, такой разговор можно вести в истории философии и что он нам дает?

«Память – это образ прошлого, созданный субъективностью настоящего» [14. Р. 56], – пронзительно отмечает Алан Мэрилл. Кризис классической метафизики в философии и трансформация классической схемы истории философии приводят к развитию авторских интерпретаций наследия прошлого. Однако более важно то, что современная философия в стремительно изменяющемся и глобализирующемся мире испытывает насущную потребность переоценки прошлого как исходной точки своего современного проекта. Нынешняя философия не представляется как необходимая ступень развития философии прошлого, она устанавливает с этим прошлым новые связи: через историю философии, а также посредством исторического измерения философской антропологии, философии культуры, социальной философии, социологии философии и т.д. [23]

Мэрилл связывает акцентирование дискурса памяти с реакцией на тревогу, неизбежную при доминировании нового и стремлении к развитию. Современность, устремленная вперед, затосковала о прошлом как о приятном родном воспоминании и стала конструировать тот образ, к которому приятно вернуться в минуту слабости и усталости. Философия в ситуации стремительного обновления гуманитарных наук, их дифференциации и интеграции, словом, их реформирования, уже не может довольствоваться старым классическим образом прошлого, который не обеспечивает интерпретацию новых феноменов. Учитывая исконную связь философии с ее историей и статус истории философии как необходимой пропедевтики к философии, история философии, как и другие науки в ситуации плюрализма толкований и распада традиции всеобщей истории философии, начинает задействовать отдельные ходы и проблемное поле Memory Studies.

Вопрос о памяти для истории философии в общем виде звучит как вопрос о «местах памяти» и вопрос о

«мифогенности» [17. Р. 48–49] исторических и философских фигур и событий, движений: почему воспоминания концентрируются вокруг именно этих фигур и этих событий? Этот вопрос может стать первым этапом ответа на вопрос о самоидентификации и может быть сформулирован как вопрос о том, почему некоторые исторические направления становятся в периоды современности точками концентрации прошлого, исходными моментами его самосознания (как, например, античность для Возрождения или Новое время для современности европейской философии).

Связка с социальной группой и постулирование внутренней необходимости специфических практик памяти для поддержания целостности традиции по отношению к истории философии видна на примерах перехода от глобальной к локальным историям философии, в выходе на передний план национальных историй философии и темы национальной философии в целом. Специалист в области проблемы национальной традиции Л.Е. Яковлева в начале одной из своих статей совершенно справедливо отмечает: «Одной из важнейших проблем методологии историко-философской науки последних десятилетий является проблема соотношения общего и особенного, универсального и локального в историко-философском процессе» [24. С. 4]. Проблематика национальной философии как практики памяти некой социальной целостности вовлекает традиционные для этой области вопросы истории познания и истории культуры, традиции как факта и ценности. «Традиция связана с настоящим, она передается в настоящем и, исходя из настоящего, определяет то, что нужно делать. В этом смысле любая система традиций строится на современном фундаменте, хотя и опирается на постоянно возобновляемое прошлое. Именно настоящее задает обращение к прошлому, исходя из аксиологического значения непрерывности и культурного единства как характерных черт традиции» [24. С. 7], – подчеркивает Яковлева. К этим вопросам в ракурсе настоящего исследования можно добавить проблему возобновления/изобретения традиции [25], которую для истории философии можно сформулировать как проблему диалектики памяти и истории в историко-философской практике.

На диалектический характер подхода к прошлому указывает по отношению к историческим исследованиям П. Хаттон [26]. Резюмируя современные подходы, он говорит о постоянно присутствующей дилемме «память-история»: историческая наука всегда работает словно «поверх» традиции, сложившейся памяти отдельных групп и традиционных стереотипов. История так надстраивается над практикой памяти. В истории философии мы видим подобную же практику: устоявшиеся представления о преемственности традиций, история философии в парадигме школ часто становится исходной точкой историко-философских или историко-культурных исследований, которые показывают новые векторы развития и альтернативные сценарии.

Социально обусловленный характер памяти отчетливо заметен в попытках философии XX в. по-новому переосмыслить особенности и статус античной, сред-

невековой, возрожденческой, нововременной мысли. Историко-философские штудии М. Хайдеггера и М. Фуко, историко-культурные занятия Й. Хейзинги являются характерными примерами игры с памятью и историей. Так поступает, например, Й. Хейзинга в своей книге «Осень Средневековья», который показывает этот период не в предвкушении расцвета следующей (эпохи Возрождения), а в его собственном духе увядания. «Возникновение нового – не этого ли наш дух более всего ищет в минувшем! Нам хочется знать, как зародились и расцвели те новые идеи и формы жизненного уклада, сияние которых впоследствии достигло своего полного блеска. <...> Здесь делается попытка увидеть в XIV и XV вв. не возмещение Ренессанса, но завершение Средневековья; попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого уже перезрели, – полностью раскрывшейся и достигшей вершины в своем развитии» [27. С. 17–18], – пишет он. Подобную стратегию реализует (только не в культурном, а в социальном плане) Б. Латур в работе «Нового времени не было», стремясь не выстроить преемственность или постулировать разрыв с нововременным, а заглянуть словно за это различие древнего и нового, поскольку «в бесчисленных столкновениях Древних и Новых первые оказываются победителями столько же раз, сколько и последние, и ничто не позволяет нам сказать наверняка, подводят ли революции черту под старыми режимами или являются их окончательным воплощением» [28. С. 71]. Оба приведенных примера показывают возможность построения истории философии вне линейных схем историцистского развития, закрепленных в традиции истории философии.

Сближение Memory Studies и историко-философских исследований позволяет проработать поля глобальной и локальной истории философии, связи современности мысли и ее нововременных и античных истоков, по-новому поставить проблему ответственности философа и философии как политической, практической деятельности. Это позволяет также обсудить вопрос связи философии с обществом и политикой. Память здесь выступает тем понятием, которое позволяет выработать новые основания связи настоящего и прошлого философии. Как отмечает Алон Конфино, «достоинство памяти в том, что она достаточно неопределенна, чтобы исследоваться нетрадиционными подходами, чтобы связать казалось бы не связанные темы, чтобы по-новому объяснить старые проблемы» [20. Р. 1403].

Описывая проблемное поле мнемистории, Марек Тамм выделяет следующие основные вопросы: «...Что мы знаем в настоящее время о прошлом? Почему признаются одни версии прошлого и отвергаются другие? Какие события и другие явления прошлого выбираются и как они представляются в настоящем? Как посредством прошлого легитимизируют и объясняют происходящее в настоящем и планируемое в будущем? Почему мы выбираем тот или иной образ прошлого? Какие вырабатываем при этом памятные акты?» [29. Р. 4]. Логично задаться подобными вопросами только в области истории философии.

Дискурс памяти позволяет перейти от вопроса о том, что произошло в прошлом, к вопросу о том, посредством каких конкретных техник конструирования прошлого группы конституируют и поддерживают свое существование [30. Р. 5]. Для философской мысли этот разворот особенно важен. Существовая в необходимости диалога, философия настоящего полагает прошлое своим собеседником, отрезок между настоящим и прошлым выступает той необходимой дистанцией, исходя из которой возможно обращение мысли к самой себе и самоосмысление. Поэтому история философии, как и история культуры, изобилует примерами трансформации прошлого в настоящем и развития практик памяти. Это и классический пример, отмеченный еще А. Варбургом, с переосмыслением возрожденческой мыслью и искусством наследия античности [31, 32], и характерное для современности признание родства с нововременным дискурсом – источником современных проблем, переосмысление которого видится путем к разрешению кризиса культуры и философии.

Каким может быть примерный план Memory Studies в истории философии, какие проблемные точки в этой отрасли выходят на первый план? В качестве таковых проблемных моментов можно выбрать сформулированные выше вслед за Марекком Таммом вопросы. Для истории философии они будут звучать следующим образом: Во-первых, что мы можем узнать о прошлом мысли? Как и почему мы переосмысливаем философскую мысль прошлого в настоящем? Во-вторых, почему мы выбираем в качестве ценностных и мыслительных ориентиров для настоящего те или иные движения, идеи или фигуры прошлого, почему определенные тексты, фигуры акцентируются и затушевываются в историко-философской практике? И, в-третьих, каким образом прошлое может выступать путем к самосознанию нашей мысли в настоящем, что для истории философии и философии есть прошлое и память в ее связи с современностью?. Первый из сформулированных вопросов о специфике памяти (в отличие от истории) в современной истории философии, второй относит нас к классическому для Memory Studies концепту «мест памяти», третий поднимает проблему национальной традиции и особенностей «изобретения традиции» в истории философии.

Значимой для истории философии оказывается также проблематизация практики в рамках сформулированных П. Рикером вопросов «О чем мы вспоминаем?» и «Кому принадлежит память?» [33. С. 21]. Вопрос «кому принадлежит память» вовлекает также ранее уже исследованный нами вопрос фигуры историка философии [34, 35], а вот вопрос «что мы вспоминаем» и сам переход от «что» к «кто» как раз и обращает нас к практике памяти истории философии.

Как видим, в истории философии, как и в других науках, дискурс памяти наиболее органично предстает в деполитизированном и десоциализированном виде: с переходом от явной связи с социальной группой и малой группы вообще к широкому социальному контексту. При этом рабочими вопросами оказываются новая интерпретация «мест памяти» в истории философии, механизмов трансформации и изобретения ментальной традиции, переориентация с социального на национальное, на культурное и локальное. Духовные и ментальные практики истории философии должны быть контекстуализированы при этом подобно социальным практикам классических Memory Studies.

Таким образом, выделенные ранее черты Memory-взгляда на ушедшее могут быть конкретизированы в истории философии. Для истории философии как практики памяти (каковой она становится в XX в.) характерно: 1) признание искусственного характера прошлого истории философии, т.е. оценка прошлого, предстающего в исследовании, не как истории, а как памяти и осознание конструктивного характера историко-философской работы; 2) акцентирование противоречия «история/память» и трудности перехода от практики памяти социальных групп к практике памяти мысли, а также важность связки «память–история» для новых историко-философских и историко-культурных интерпретаций XX в.; 3) трансформация вопроса о «местах памяти» в вопрос о «мифогенности» исторических и философских фигур и событий, движений, который представляется этапом проблематизации самоидентификации современности философии; 4) связывание историко-философского процесса с процессом глобализации (в полях глобальных и локальных культур), собственными особенностями развития национальных культур и локальными социально-культурными особенностями, влияющими на характер историко-философской практики; 5) расширение философской историографии и переход от исследования прошлого философии к методологическим исследованиям особенностей историко-философской памяти.

Подобная контекстуализация истории философии в рамках дискурса памяти позволяет не только обратиться к междисциплинарным вопросам сохранения и интерпретации прошлого в гуманитарных исследованиях, но и активизировать самосознание истории философии. Она может осмыслить себя в дилемме «история/память», поставить вопрос о том, чем она является: продолжением истории в настоящем, развитием когда-то заданного импульса, или же специально продуцируемой практикой памяти, работы с прошлым (его фиксации, сохранения, трансформации) в конкретной социально-культурной ситуации. Наравне с другими путями, это путь – к активизации исследования и обновлению установок и методологии истории философии.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См., например, методологические работы [1, 2], а также другие материалы круглого стола «Индивидуальная и коллективная память в контексте современных социальных трансформаций», опубликованные в специальной рубрике журнала «Вопросы философии» № 6, 7 за 2020 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лекторский В.А. Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.
2. Пружинин Б.И., Шедрина Т.Г. Феномен коллективной памяти на пересечении методологических установок // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 15–19.
3. Nuzzo A. Memory, History, Justice in Hegel. New York : Palgrave Macmillan, 2012. 211 p.
4. Nietzsche on Memory and History: The Re-Encountered Shadow / eds. by A.K. Jensen, C. Santini. Berlin : De Gruyter, 2019. 350 p.
5. The Routledge Handbook of Philosophy of Memory / eds. by S. Bernecker, K. Michaelian. London ; New York : Routledge, Taylor & Francis Group, 2017. 589 p.
6. Peone D. Memory as Philosophy : The Theory and Practice of Philosophical Recollection. Stuttgart : Ibidem-Verlag, 2019. 383 p.
7. Fernández J. Memory : A Self-Referential Account. New York : Oxford University Press, 2019. 221 p.
8. Hutton P.H. Philosophical Reflections on the Ways of Memory and History // History and Theory. 2018. Vol. 57, № 2018. P. 292–305.
9. Шевцов К.П. Основные парадигмы концептуализации памяти в философии : дис. ... д-ра филос. наук. СПб. : СПбГУ, 2016. 437 с.
10. Романовский Н.В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13–23.
11. Васильев А.Г. Memory Studies: единство парадигмы – многообразие объектов (обзор англоязычных книг по истории памяти) // Новое литературное обозрение. 2012. № 5 (117). С. 461–480.
12. Репина Л.П. «История события» в трансдисциплинарном пространстве. Memory Studies и истории исторической культуры // Событие и время в европейской исторической культуре XVI – начала XX века. М. : Аквилон, 2018. С. 9–54.
13. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. С.Н. Зенкина. М. : Новое издательство, 2007. 348 с.
14. Megill A. History, Memory, Identity // History of The Human Sciences. 1998. Vol. 11, № 3. P. 37–62.
15. Barash J.A. Collective Memory and Historical Time // Práticas da História. 2016. Vol. 1, № 2. P. 11–37.
16. Olick J., Robbins J. Social Memory Studies. From «Collective Memory» to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. 1998. Vol. 24. P. 105–140.
17. Burke P. Varieties of Cultural History. Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1997. 256 p.
18. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. М.М. Сокольской. М. : Яз. слав. культуры, 2004. 363 с.
19. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
20. Confino A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // The American Historical Review. 1997. Vol. 102, № 5. P. 1386–1403.
21. Tamm M. Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies // History Compass. 2013. Vol. 11, № 6. P. 458–473.
22. Assmann J. Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism. Cambridge, MA ; London : Harvard University Press, 1997. 276 p.
23. Normore C. Doxology and the History of Philosophy // Canadian Journal of Philosophy. 1990. Vol. 16. P. 203–226.
24. Яковлева Л.Е. Национальные философские традиции: компаративное измерение // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2008. № 4. С. 4–32.
25. Хобстбаум Э. Изобретение традиций / пер. С. Панарина // Вестник Евразии. 2000. № 1. С. 47–62.
26. Хаттон П.Х. История как искусство памяти / пер. В.Ю. Быстрова. СПб. : Владимир Даль, 2004. 422 с.
27. Хейзинга Й. Осень Средневековья / сост., предисл. и пер. Д.В. Сильвестрова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
28. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. Д.Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2006. 240 с.
29. Tamm M. Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory // Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory / ed. by M. Tamm. Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2015. P. 1–23.
30. Castelli E.A. Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making. New York : Columbia University Press, 2004. 335 p.
31. Варбург А. Великое переселение образов: исследование по истории и психологии возрождения античности / пер. Е. Козиной, Н. Булаховой, Д. Захаровой. СПб. : Азбука-классика, 2008. 381 с.
32. Торопыгина М.Ю. Иконология. Начало. Проблема символа у Аби Варбурга и в иконологии его круга. М. : Прогресс-Традиция. 2015. 366 с.
33. Рикер П. Память, история, забвение / пер. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. 725 с.
34. Власова О.А. «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века // Философские науки. 2018. № 11. С. 114–125.
35. Власова О.А. Перспективизм в истории философии второй половины XX века: развитие самосознания и проблематика «первого» и «третьего» лица // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2019. № 3. С. 3–13.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 24 октября 2020 г.

Memory Studies in the Horizon of Interdisciplinary Expansion and Their Development in the History of Philosophy
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 473, 119–125.

DOI: 10.17223/15617793/473/14

Olga A. Vlasova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: o.a.vlasova@gmail.com

Keywords: discourse of memory; memory studies; memory; history; philosophy; tradition.

The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20–011–00616.

The article analyzes the problem of the expansion of memory studies into various areas of the humanities, in particular, their turn from social anthropology to historical sciences. The question on features of memory studies theory, which contribute to its entry into the interdisciplinary field, is raised. The author emphasises that the appeal to social and then cultural memory, the transition from history to mnemohistory allow re-actualising discussions on the methodology of the humanities. The discourse of memory turns out to be a problematic field where the posing of methodological questions is understandable for specialists in different disciplines. The article aims to demonstrate the productivity of the interaction between the history of philosophy and memory studies, and to specify the main features of the development of the discourse of memory in the history of philosophy. The work is based on the analysis and interpretation of both classical works in the field of memory studies and modern critical studies in this area. The author also analyses works on philosophy and the history of philosophy. Three problematic issues of memory studies in the history of philosophy stand out: the representation of the past in the present; the status of movements, ideas, and figures of the past as values and mental guidelines in the present; memory as a path to the self-consciousness of modern philosophy. The first issue is the question of the specifics of memory (as opposed to history) in the modern history of philosophy; the second is related to the concept “place of memory”; the third involves the problem of national tradition and the peculiarities of the “invention of tradition” in the history of

philosophy. The history of philosophy of the 20th century recognizes the artificial nature of the past; it is evaluated not as history, but as memory. The contradiction “history / memory” and the difficulties of transition from the practice of memory of social groups to the practice of memory of thought, as well as the importance of the “memory–history” link, are accentuated. The question of “places of memory” is transformed into the question of the “mythogenicity” of historical and philosophical figures and events, movements, which seems to be a stage in the problematisation of the self-identification of modern philosophy. The historical and philosophical process is associated with the process of globalization (in the polarity of global and local cultures), with its own peculiarities of the development of national cultures and local socio-cultural characteristics that affect the nature of historical and philosophical practice. The author concludes that in the history of philosophy the discourse of memory appears in a de-politicised and de-socialised form: with the transition from a connection with a social group and a group in general to a wide social context. Mental practices of philosophy are contextualised like the social practices of classical memory studies.

REFERENCES

- Lektorskiy, V.A. (2020) Individual and Collective Memory: Old Problems and New Challenges. *Voprosy filosofii*. 6. pp. 11–17. (In Russian).
- Pruzhinin, B.I. & Shchedrina, T.G. (2020) The Phenomenon of Collective Memory at the Intersection of Philosophical and Methodological Attitudes. *Voprosy filosofii*. 7. pp. 15–19. (In Russian).
- Nuzzo, A. (2012) *Memory, History, Justice in Hegel*. New York: Palgrave Macmillan.
- Jensen, A.K. & Santini, C. (eds) (2019) *Nietzsche on Memory and History: The Re-Encountered Shadow*. Berlin: De Gruyter.
- Bernecker, S. & Michaelian, K. (eds) (2017) *The Routledge Handbook of Philosophy of Memory*. London; New York: Routledge, Taylor & Francis Group.
- Peone, D. (2019) *Memory as Philosophy: The Theory and Practice of Philosophical Recollection*. Stuttgart: Ibidem-Verlag.
- Fernández, J. (2019) *Memory: A Self-Referential Account*. New York: Oxford University Press.
- Hutton, P.H. (2018) Philosophical Reflections on the Ways of Memory and History. *History and Theory*. 57 (2018). pp. 292–305.
- Shevtsov, K.P. (2016) *Osnovnye paradigmy kontseptualizatsii pamyati v filosofii* [The main paradigms of the conceptualization of memory in philosophy]. Philosophy Dr. Diss. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University.
- Romanovskiy, N.V. (2011) Novoe v sotsiologii – “bum pamyati” [New in sociology – “memory boom”]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 6. pp. 13–23.
- Vasil'ev, A.G. (2012) Memory Studies: edinstvo paradigmy – mnogoobrazie ob'ektov (obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory Studies: the unity of the paradigm – the diversity of objects (a review of English-language books on the history of memory)]. *Novoe literaturnoe obozrenie – New Literary Observer*. 5 (117). pp. 461–480.
- Repina, L.P. (2018) “Istoriya sobytiya” v transdisciplinarnom prostranstve. Memory Studies i istorii istoricheskoy kul'tury [“History of the event” in the transdisciplinary space. Memory Studies and the history of historical culture]. In: Repina, L.P. (ed.) *Sobytie i vremya v evropeyskoy istoricheskoy kul'ture XVI – nachala XX veka* [Event and time in European historical culture of the 16th – early 20th centuries]. Moscow: Akvilon. pp. 9–54.
- Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social frameworks of memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Megill, A. (1998) History, Memory, Identity. *History of the Human Sciences*. 11 (3). pp. 37–62.
- Barash, J.A. (2016) Collective Memory and Historical Time. *Práticas da História*. 1 (2). pp. 11–37.
- Olick, J. & Robbins, J. (1998) Social Memory Studies. From “Collective Memory” to the Historical Sociology of Mnemonic Practices. *Annual Review of Sociology*. 24. pp. 105–140.
- Burke, P. (1997) *Varieties of Cultural History*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Assmann, J. (2004) *Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory and Early Civilization Writing, Remembrance, and Political Imagination]. Translated from German by M.M. Sokol'skaya. Moscow: Yaz. slav. kul'tury.
- Assman, A. (2014) *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Cultures of Memory and the Politics of History]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Confinio, A. (1997) Collective Memory and Cultural History: Problems of Method. *The American Historical Review*. 102 (5). pp. 1386–1403.
- Tamm, M. (2013) Beyond History and Memory: New Perspectives in Memory Studies. *History Compass*. 11 (6). pp. 458–473.
- Assmann, J. (1997) *Moses the Egyptian: The Memory of Egypt in Western Monotheism*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.
- Normore, C. (1990) Doxology and the History of Philosophy. *Canadian Journal of Philosophy*. 16. pp. 203–226.
- Yakovleva, L.E. (2008) Natsional'nye filosofskie traditsii: komparativnoe izmerenie [National Philosophical Traditions: A Comparative Dimension]. *Khora. Zhurnal sovremennoy zarubezhnoy filosofii i filosofskoy komparativistiki*. 4. pp. 4–32.
- Hobsbawm, E. (2000) The invention of tradition. *Vestnik Evrazii*. 1. pp. 47–62. (In Russian).
- Hutton, P.H. (2004) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as an art of memory]. Translated from English by V.Yu. Bystrov. Saint Petersburg: Vladimir Dal'.
- Huizinga, J. (2011) *Osen' Srednevekov'ya* [The Autumn of the Middle Ages]. Translated by D.V. Sil'vestrov. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
- Latour, B. (2006) *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern]. Translated from French by D.Ya. Kalugin. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
- Tamm, M. (2015) Introduction: Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory. In: Tamm, M. (ed.) *Afterlife of Events: Perspectives on Mnemohistory*. Basingstoke, Hampshire: Palgrave Macmillan. pp. 1–23.
- Castelli, E.A. (2004) *Martyrdom and Memory: Early Christian Culture Making*. New York: Columbia University Press.
- Warburg, A. (2008) *Velikoe pereselenie obrazov: issledovanie po istorii i psikhologii vozrozhdeniya antichnosti* [The Great Migration of Images: A study on the history and psychology of the revival of antiquity]. Translated from German by E. Kozina, N. Bulakhova, D. Zakharova. Saint Petersburg: Azbuka-klassika.
- Toropygina, M.Yu. (2015) *Ikonologiya. Nachalo. Problema simvola u Abi Varburga i v ikonologii ego kruga* [Iconology. Inception. The problem of the symbol in Aby Warburg and in the iconology of his circle]. Moscow: Progress-Traditsiya.
- Ricoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, history, forgetting]. Translated from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina, O.I. Machul'skaya, G.M. Tavrizyan. Moscow: Izd-vo gumanit. lit.
- Vlasova, O.A. (2018) “The Revolution of Relativity” and Self-Consciousness in the History of Philosophy of the 20th Century. *Filosofskie nauki – Russian Journal of Philosophical Sciences*. 11. pp. 114–125. (In Russian). DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125
- Vlasova, O.A. (2019) Perspectivism in the History of Philosophy of the XX Century: Development of Self-Consciousness and the Problems of “First” and “Third” Person. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya – Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 3. pp. 3–13. (In Russian).

Received: 24 October 2020